

## СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Прежде, чем появляется технология материальная, существует некая человеческая технология. Технология представляет собой явление прежде всего социальное, и только потом – техническое.

Ж. Делёз

Е.А. КАРЦЕВ

Проблема модернизации может рассматриваться как частный случай *становления*, которое означает *инновационное совершенствование техногенной цивилизации*. Что касается России, то ее будущее зависит от *трансформации* в техногенную цивилизацию, т.е. в *постиндустриальное, информационное, пост-модернистское общество*. Сама по себе модернизация – перманентное явление, обусловленное рынком. Вот как высказывается об этом профессор Х.-Ю. Варнеке, директор Франкфуртского института промышленной техники и автоматизации: **«Непрерывная борьба за модернизацию – это единственный неизменный фактор, характерный для каждого производителя... всегда проигрывает тот, кто не способен отдать должное необходимым переменам»**<sup>1</sup>. Если российская цивилизация по своим институтам, структуре и содержанию все еще не является техногенной цивилизацией, постоянно находящейся в режиме становления, то модернизация (обновление устаревшего) не решает ее проблем. Тогда задача стоит глобальнее – *перейти в режим становления, трансформироваться в техногенную цивилизацию*. Экономическими средствами проблему трансформации общества – цивилизационной «перестройки» – нам за 20 с лишним лет проведенных реформ решить так и не удалось. Поэтому по-прежнему *речь идет о качественной метаморфозе, преобразовании традиционно-индустриального общества в цивилизационный ансамбль техногенного образца*.

Но сегодня эта задача опосредуется новыми обстоятельствами. Метафизика глобализации (как некая законодательствующая система «высших ценностей») сразу же устанавливает пределы на этом пути, так как одновременно модернизируются и государства, находящиеся на более высокой ступени экономического и хозяйственного развития. Они действуют на основе

принципов либерализма (искаженного конфигурацией мировой финансовой системы), тогда как в России по-прежнему актуальны принципы госкапитализма. В случае столкновения этих принципов хозяйствования необходимо преобразовать монополистически-законодательствующую роль госкорпораций на рынке в ее противоположность, так как в условиях либерального общества (а это синоним техногенной цивилизации) на рынке «законодательствует» потребитель, а не производитель.

Из истории известно, что монополия смертельна для рынка, она означает сначала искажение конкуренции в свою пользу, а затем ее упразднение. Поэтому политическое руководство западных стран может быть индифферентно по отношению к демократии и либеральным началам в управлении российским обществом, но бизнес-структуры и бизнес-сообщество вряд ли будут содействовать росту своих дизъюнктивных оппонентов, упраздняющих законы рынка, тем более, что пример Китая, Южной Кореи и других азиатских «драконов» показал всем, что утрата конкурентоспособности странами Южной и Восточной Европы связана с коллективистской конкуренцией азиатских государств, технологически и финансово подкрепленной группой Ротшильдов. Действительно, что можно противопоставить конкурентоспособности китайцев, если они (как у нас на «Черкизоне») готовы годами жить по 40 человек в однокомнатной квартире, стоически претерпевая невероятные лишения. Естественно, за 50 долларов в месяц никакой европеец трудиться не сможет. При такой стоимости рабочей силы результат предопределен заранее. До этого, как известно, ни «большие скачки», ни «культурные революции», ни трудовой героизм китайцев не позволили им решить проблему модернизации своей страны. У модернизации как глобального, а не локального феномена есть свои причины. Государственный долг — это не только просчеты во взаимодействии рынка и «социального государства», но и сложившиеся несоответствия уровня потребления и социальных расходов достигнутому уровню производительности труда, в чем Европа все больше проигрывает Азии. Действительно, если интенсификация труда в Китае и крайне низкий уровень его оплаты приводят чуть ли не к пандемии самоубийств, то что может противопоставить в своей модернизации Европа этому феномену?

Очевидно, что базовые отрасли европейской промышленности окажутся не конкурентоспособными по сравнению с аналогичными производствами в Китае, если постоянно не будут

находиться в режиме *инновационного становления*. Инвариантен только процесс непрерывных изменений, другого постоянства нет и быть не может. И до тех пор, пока китайцы будут осваивать переданные им технологии, европейским предприятиям необходимо будет уходить от них в технологический отрыв. На аналогичных индустриальных предприятиях Азия оказывается конкурентоспособнее Европы за счет нерыночных методов организации производства. В результате и здесь госкапиталистический сектор противостоит частнокапиталистическому, а китайские государственные предприятия — европейскому частному сектору. Иначе говоря, технологическая модернизация традиционной цивилизации не меняет ее природу и редистрибутивные связи и отношения в обществе (основанные на изъятии и перераспределении произведенного продукта), а только консервирует ее социальную структуру и характер.

Широкое участие КНР в международном разделении труда привело не к ослаблению, а к укреплению некоторых принципов социализма в этой стране, причем с активной финансовой и технологической помощью капиталистической Америки. Очевидно, что подлинная модернизация должна отличаться от своей имитационной модели глубокими преобразованиями в политической и социокультурной сферах, ведущими к трансформации традиционного общества в техногенную цивилизацию. Х.-Ю. Варнеке отмечает: «Если в Малайзии заработная плата составляет в лучшем случае десятую часть от заработной платы в Германии при высокой производительности труда, необходимо правильно учитывать это преимущество с позиции предпринимателей. На долю Германии остаются разработка, испытание и запуск в производство, но и в этом случае необходимо сохранить кооперацию с международным сообществом. Вместе с тем важно в течение длительного периода разрабатывать продукты и технологии и финансировать такие разработки, причем наряду с “ноу-хау” продукта на собственном предприятии необходимо иметь и “ноу-хау” производства. Мы знаем, что экспорт только чертежных синек не сможет приносить эффективные результаты в течение длительного времени»<sup>2</sup>.

Глобальная модернизация — это очередная фаза противостояния «коллективизма» Востока и «индивидуализма» Запада, государственного корпоративизма Китая — и либерализма Европы, монополии производства — и агональности рынка. Известным образом группа Ротшильдов передала современные

технологии традиционному обществу, которое стало конкурентом Европы на ее собственном поле. В результате этой *«инвестицированной модернизации»* традиционной цивилизации удалось сделать то, чего не смог совершить Мао.

Принимая во внимание сказанное, можно констатировать, что перед Россией стоят две проблемы — через реиндустриализацию и модернизацию индустриального сектора восстановить свою конкурентоспособность в отношении Китая и Азии и посредством еще более качественной модернизации, фактически трансформации в виде создания новых отраслей и предприятий постиндустриального образца, стать конкурентоспособной цивилизацией по отношению к Западу. Иными словами, необходимо преодолеть произошедшую за 20 лет деиндустриализацию страны и, одновременно, перейти к инновационной экономике, т.е. экономике знаний. Поэтому задачу модернизации России необходимо рассматривать в широком цивилизационном контексте. Речь должна идти не об обновлении устаревшей технической базы, а о трансформации всего общества в новую — *техногенную* — цивилизацию. Проблема цивилизационной метаморфозы России опосредуется следующими факторами:

- после 1989 года до сих пор не достигнут «дореформенный» уровень производства в промышленности, сельском хозяйстве, а где-то и в сфере услуг;

- произошла деиндустриализация многих секторов экономики;

- рост потребления не сопровождается соответствующим развитием производства и ростом производительности труда;

- ощутимо пострадал производственный этос населения, что делает весьма затруднительной задачу творческой трудовой мобилизации;

- социальная структура страны не выявляет (не активизирует) субъекта модернизации, т.е. жизненно заинтересованных в ее результатах групп населения;

- в стране значительна численность (а главное — удельный вес) «саларье», т.е. лиц, живущих на заработную плату, которые «по определению» не способны к массовому инновационному творчеству, поскольку для этого у них попросту нет оснований, отсутствует должная мотивация;

- приватизация не привела и к появлению «эффективного собственника», за 20 лет не построено ни одного конкурентоспособного предприятия;

— отсутствует должным образом разработанная концепция модернизации (трансформации), предусматривающая не только экономические преобразования, но и приведение институциональной сферы в соответствие с поставленной задачей;

— модернизация представлена в виде некоей идеи, пожелания без должного обеспечения ее концептуального осмысления социальным знанием, которое, по всей видимости, также нуждается в своеобразном аудите, метакритике, призванной восстановить его «законодательствующую» роль в обществе.

Этот краткий, неполный, обзор-перечень проблем, стоящих за проблемой модернизации, способной обеспечить переход страны к инновационной экономике, побуждает нас для того, чтобы показать, какие препятствия необходимо преодолеть, если мы хотим осуществить трансформацию общества в заданном направлении.

Есть и еще одна проблема. На сегодня единственный активный игрок на поле инновационного развития — это государственный аппарат, вполне отдающий себе отчет в том, что невозможно будет отстаивать национальные интересы России в условиях ее цивилизационной дисквалификации. Трудности проистекают, однако, из того, что рынок как институт требует «выращивания», а государство, согласно традиционной логике, стимулирует не рост и развитие рынка «снизу» (например, посредством индикативного планирования, планов модернизации и оснащения), а искусственно создает его сверху. Инспирируемая начальством конкуренция имеет формальный характер и не связана с показателями производства. Надо, наконец, отдавать себе отчет в том, что меру труда должен определять рынок, а не произвол администратора. Тогда возникнут действенные стимулы к труду, а не имитация рыночного механизма. По-видимому, инспирировать рынок «сверху» нельзя, так как принципы его функционирования нарушает сам административный аппарат. Аналогичным образом выглядят сегодня и мелкие, и средние предприятия, аффилированные с бюджетом, являющиеся средством коррупционных изъятий из него. И все-таки надежда есть. Как это ни покажется странным, она связана прежде всего с глобализацией и теми процессами, которые идут в ее русле.

Модернизацию следует понимать в узком и широком смысле. В узком смысле она национальна по содержанию, для ее проведения необходим учет национальных социокультурных условий и их актуализация. В широком смысле — модерниза-

ция должна осуществляться с учетом огромного количества внешних факторов (переменных), в том числе тех сегментов рынка, где осуществленные преобразования должны найти свое применение. Это означает, как в случае с правом, где при разном толковании законов приоритет остается за международным законодательством, что *логика мирового рынка будет доминировать над отечественной практикой*. Естественно, это сложный и внутренне противоречивый процесс. Используя терминологию постмодерна, можно утверждать, что будет необходим дизъюнктивный синтез национального и мондиального, укорененного в национальных традициях, менталитете и рационально-прагматического, универсального. Практика показывает, что те страны, которые могут лучше решить эту задачу, т.е. оказываются наиболее интернационализированными, всегда имеют преимущество перед менее интернационализированными представителями мирового сообщества. Объясняется это просто — *открытый характер социально-экономической системы делает ее более эффективной в случае адекватного реагирования на хаотичное и турбулентное поведение окружающей среды*. Бесспорно, этот факт должен учитываться в первую очередь при выстраивании принципов перехода страны к инновационной экономике.

Сегодня Россия вновь оказывается перед дилеммой — восточная парадигма или западная, коллективизм или индивидуализм, холизм или право на методологическую инициативу. Наш опыт показал, что коллективизм, принцип  $I < K$  (индивид меньше коллектива) исторически бесперспективен. В то же время, как свидетельствует мировая практика (и наш опыт последних двух десятилетий) индивидуализм не намного лучше — он чреват социал-дарвинизмом, ситуацией, когда в обществе начинают доминировать криминальные группировки и всевозможные «авторитеты». Частная инициатива в России, реализация либерального принципа «не мешайте, дайте работать» парадоксально привела к тотальной криминализации общества, состоянию «войны всех против всех». Поэтому до цивилизационного осуществления принципа  $I > K$  (индивид больше коллектива) страна должна пройти определенный путь *институционального развития*. Не секрет, что поликонфессиональная и многоэтническая страна живет в условиях противоборствующих тенденций: незначительное меньшинство исповедует европейскую идентичность, тогда как большая часть населения является сторонни-

цей национальной самобытности коллективистского образца. Таким образом, сама специфика истории и современное состояние общества настоятельно требуют достижения компромисса между этими парадигмами. Его результатом, на наш взгляд, мог бы стать принцип  $I = K$  (индивид равен коллективу), приближение к которому возможно лишь в условиях партнерских отношений на предприятиях и в корпорациях. Но в этом случае многие изъяны и результаты нелегитимной приватизации должны быть пересмотрены и частично устранены.

Модернизация и трансформация общества касаются не только экономической и социально-политической сфер жизни социума, умелого использования эргономики технократических решений, но и требуют энергии и интеллектуальных усилий миллионов, которые должны быть включены в грядущие преобразования. Если человек не хочет быть патриотом самого себя и своего родового достоинства, то помочь ему нечем. Трудно также рассчитывать на альтруизм тех, у кого не сформирована национальная идентичность. Поэтому достаточно разумной в условиях России является *коммунарная идентичность, когда успехи общего дела формируются на основе индивидуальной активности каждого*. Во всяком случае, активную самодеятельную роль в преобразованиях смогут сыграть те, кто получит для этого институционально оформленный шанс. «Саларье», лица, живущие на зарплату, повторю, не способны на повышенную интеллектуальную отдачу, поскольку их творческая активность лимитирована и минимизирована рамками их социально-экономического статуса. Вот что об этом говорит Серж Алими, заместитель главного редактора газеты «Le Monde diplomatique», анализируя состояние дел в США: минимальный размер почасовой заработной платы был установлен в 1997 г. на уровне 5,15 доллара и с тех пор не пересматривался (для сравнения — минимальная межпрофессиональная заработная плата во Франции — 1200 евро в месяц, что, кстати, неплохо демонстрирует *каково* «прикладное значение» высокой производительности труда в каждой из этих стран). Доля заработной платы в ВВП находится на самом низком уровне с тех пор, как ведется соответствующая статистика. В это же время сбор налога с корпораций вырос на 27 %. Как отмечает автор, с некоторых пор характерной чертой американского общества является то, что именно богачи пользуются основными плодами экономического роста. С 1966 по 2001 год средняя реальная

заработная плата возросла лишь на 11%. А у 10% наиболее высокооплачиваемых работников доходы увеличились на 58%; у 1% самых обеспеченных — на 121%, у 0,1% из них — на 256% и у 0,01% из тех, кто находится на вершине пирамиды, — на 617%. Итак, делает вывод Алими, «победитель получает все». Средний доход топ-менеджеров крупных компаний достиг в 2005 г. 10,5 млн долларов, т.е. в 369 раз превысил среднюю заработную плату их работников (в 1993 г. доходы топ-менеджеров превышали среднюю заработную плату в 131 раз, в 1976 — в 36 раз). Парадоксальным образом обнародование этих данных привело к тому, что руководители, получавшие меньше, стали требовать повышения окладов. Что касается порога в миллион долларов, при превышении которого отменялись налоговые скидки, его вновь приравнивали к «минимальной зарплате руководителя». А вот и обратная сторона эффективности по-капиталистически: по итогам прошлого года глава фармацевтической компании Pfizer получил 83 млн долларов, хотя курс акций руководимой им фирмы упал на 37%. Половина американцев владеет лишь 2,5% активов; 10% самых богатых — 70%. В итоге автор приходит к выводу, что в этой сфере смены курса можно ожидать не ранее ноября 2008 г., если только раньше не наступит экономический спад<sup>3</sup>. Прогноз автора оправдался, именно в 2008 г. начался крах американской финансовой системы. Она свалилась в пропасть и вряд ли мы ошибемся, если скажем, что Россия по этой части является клоном США.

Американский опыт учит: индивид должен получить шанс реализовать свои помыслы и надежды в формах корпоративного партнерства. Иными словами, идея народного капитализма вновь востребуется в качестве социокультурного фактора модернизации общества и экономики. Поскольку в этом случае весь социум может перейти из состояния Управления в состояние Регулирования, энергия занятых в производительном труде работников будет раскрепощена. Коллектив силен индивидами, их качеством, а не количеством, индивидуальная идентичность должна быть подкреплена социальной укорененностью. Здесь, на наш взгляд, и кроется причина слабости осуществляемых модернизационных преобразований — и не только в России. Сегодня, по свидетельству А. де Бенуа, «вопрос идентичности стал одной из главных проблем: огромное количество людей не знают, что им делать, потому что они не знают, *кто они есть*»<sup>4</sup>. Каждое поколение должно не только поддерживать



свое наследие, но и актуализировать его, исходя из осознания своей причастности к нему. Это наследие «есть некая форма коллективного повествования, коллективной истории, которая все время преобразуется, но всегда остается верной себе. Иначе говоря, *идентичность — это не то, что никогда не меняется, но то, что определяет нашу специфическую манеру изменяться, оставаясь самими собой* (Курсив мой. — Е.К.)»<sup>5</sup>. Кажется, что автор нарушает принцип непротиворечивости высказываний; с одной стороны, он утверждает, что многие люди не обладают идентичностью, т.е. не знают «кто они есть», следовательно, их участие в модернизации весьма проблематично, так как их действия непредсказуемы. С другой — он настаивает на некой константе идентичности, не подверженной изменениям. Но, подобная корневая идентичность, если она не описывается в терминах национальной идеи, практически не устанавливается. Время метанарративов безвозвратно ушло, и никакой национальный дискурс по этому поводу не в состоянии установить истину. Аналогичным образом обстоит дело и с индивидуальной идентичностью, которая также подвержена не только *интерсубъективному* измерению социальной реальности, но и ее *интрасубъективному* измерению, связанному с множественностью идентичностей, «конституирующих» каждого индивида, наделяя его многочисленными ликами. Ситуация такова, что люди выступают одновременно и в качестве «продуктов», и в качестве субъектов разнообразных социальных отношений<sup>6</sup>.

И последнее, интегрирующая роль идентичности особенно важна в условиях разделения современного мира на две сферы — на культуру и технику. Причем важно отметить, что социально-культурные последствия модернизации более радикальны, чем самые значительные преобразования в области естествознания и техники. По-видимому, разрабатывая концепцию модернизации как инновационного пути развития страны, необходимо исходить из реальной интеграции технического и социального мира, выраженной в социокультурной идентичности. А это означает: концепция развития должна ориентироваться на духовные, моральные, эстетические, одним словом, *культурные ценности*, на выявление механизмов актуализации и включения их в социальную практику, в процесс планируемых трансформаций. Только в этом случае модернизационные преобразования приобретут требуемые черты цивилизационных изменений, открывающих путь инновационному движению общества.

Что касается нашей страны, то очевидно, что мы стоим пока на промежуточной стадии перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Но именно на этом этапе и усиливается роль названных факторов, именно они играют роль главной предпосылки, точнее условия, обеспечивающего технологический прорыв. Прежде чем произойдет переход на новую технологическую базу, должны произойти изменения в «социальной технологии». Последняя основывается на функционирующих в обществе нормативных институтах — правовых, политических, организационно-структурных, институтах гражданского общества. Для России совершенствование, а чаще, создание их — это вопрос реализации ее *возможностей* (экономических, культурных, лидерских). Возникает вопрос, а какие отношения должны быть между институтами и бизнесом, предпринимательством? Есть классический девиз либеральной экономики: «Не мешайте, дайте работать». Но этот девиз сегодня нуждается в уточнении. В прошлые века предпринимателям нужна была свобода, чтобы преуспеть в бизнесе. Сегодня требуются, прежде всего, инвестиции, а также программы поддержки, индикативное планирование. Другими словами, нужна регулирующая роль государства, не идущая вразрез с интересами бизнеса, а потому не управляющая, а регулирующая, которая может осуществляться только через институты. Это с одной стороны. С другой стороны, естественно, что эти последние связаны с нормами общественной морали. По ее поводу, вспомним, Ф.А. Хайек говорил: минимум морали. Какой выход из этой дилеммы? Видимо, должна присутствовать этика (в спинозовском смысле) — нормы, без которых жизнь общества невозможна. Тогда суть тезиса Хайека не в отрицании моральных принципов в бизнесе, а в том, что не надо ломать копыта по второстепенным вопросам, но следует постоянно думать о том, что обеспечивает жизнедеятельность общества и бизнеса. Если, скажем, институты собственности не работают, на предприятия постоянно совершают набеги то чиновники, то криминал, а иногда и вместе — вот это аморально. Морально то, что не нарушает действия закона (другое дело, насколько существующее законодательство включает в сферу своего действия возникающие конфликты). Поэтому принцип легитимности — это главный принцип, который должен соблюдаться в практике отношений институтов и бизнеса. А все остальное — на усмотрение ментальности общества, его толерантности. При этом

сами институты должны постоянно меняться, эволюционировать: меняются внешние условия, и они своевременно должны на эти вызовы реагировать. Если не будет такой реакции, то конкурентоспособность и жизнеспособность общества постоянно будут под угрозой. Проблема, правда, еще и в том, что общество может не найти в себе силы для соответствующей реакции. В этом и состоит проблема адекватного регулирования социальных процессов. Регулирования, а не управления. Разница принципиальная и существенная. Принцип регулирования — это открытая возможность для самоорганизации, это принцип функционирования общественного и экономического организма, когда право на свободу и ответственность за эту свободу получают все участники общественного процесса.

Есть и еще один вопрос: должны ли мы копировать институты, принятые в западном обществе, или нам нужно создавать свои? Словом, исторический спор славянофилов и западников продолжается... По-видимому, надо брать то, что работает. И отказываться от того, что не работает. Надо провести аудит институтов. Это должны сделать ученые социально-философского направления. Общество заинтересовано в том, чтобы посмотреть, что работает, что тормозит развитие, а что надо создавать и выстраивать заново, тем более, что в мире достаточно примеров того, как это делалось. Но, разумеется, все это следует делать с учетом своей истории, своей ментальности. Какие-то формы предпринимательства были бы более приемлемы в России, например, артели и кооперативы, с которых начинали, но незаслуженно забыли — может быть, в новых условиях они принесли бы более позитивные результаты, ведь они бесспорно были (и остались) способом функционирования капиталов.

Г. Клейнер прав: если институтов гражданского общества не возникло, то надо сделать так, чтобы предприятия выполняли функции гражданского общества, а их работники постепенно переходили к партнерским отношениям через включенность в жизнедеятельность своей корпорации. Нужно создать ситуацию, когда работники будут заинтересованы в сохранении и приумножении собственности. Если 95% самодеятельного населения страны живут на зарплату, являются наемными работниками, то мы опять возвращаемся к социализму. Фактически у нас сейчас социализма даже больше, чем было раньше. И это проявляется во всех сферах — в надстроечной, политической и особенно — в экономической. Самое удиви-

тельное, что все лозунги эффективного собственника сегодня не работают. Госкорпорации не в состоянии разрабатывать ноу-хау и хай-тек. И по-прежнему законодательствует производитель, ассоциированный с торговыми сетями. Фактически, если как следует разобраться, они являются аффилированными предприятиями. Даже если на вид они самостоятельны. Прибавочная стоимость не создается в производстве, а возникает в сфере потребления, как наценка, которую платит потребитель. И эта ситуация ясно характеризует классическую социалистическую парадигму хозяйствования. В этом смысле мы опять стоим на пороге новой трансформации хозяйственного механизма. Но теперь уже в обратном от постиндустриальной экономики направлении.

Вот почему нам предстоит новая трансформация. Не модернизация, а именно трансформация, как та цивилизационная перестройка, которая сделает возможным, реальным задействие сложившихся в международной практике инновационных механизмов развития.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Варнеке Х.Ю. Революция в предпринимательской культуре. Фрактальное предприятие. — М., 1999. — С. 19.

<sup>2</sup> Там же. — С. 38.

<sup>3</sup> См.: Алим С. Демократический ритуал и стратифицированное общество // *Le Monde diplomatique*. Русское издание. Ноябрь 2006. № 5. — С. 2.

<sup>4</sup> Бенуа А.де. Против либерализма. — СПб., 2009. — С. 14 — 15.

<sup>5</sup> Там же. — С. 15.

<sup>6</sup> См.: Коркюфф Ф. Новые социологии. — СПб., 2002. — С. 21 — 23.

#### Аннотация

Статья посвящена анализу социальных и культурных предпосылок инновационного развития страны, трансформации российского общества в техногенную цивилизацию.

#### Ключевые слова:

модернизация, трансформация, глобализация, коммунитарность, партнерство, идентичность.

#### Summary

This article is dedicated to the analysis of the social and cultural preconditions of innovative development, modernisation of the country, transformation of the Russian society into technogene civilization.

#### Keywords:

modernisation, transformation, globalisation, communitarity, partnership, identity.